

Научная статья
УДК 159.9
DOI: 10.20323/1813-145X_2024_1_136_170
EDN: BATDBI

Личностный смысл ребенка в регуляции профессиональной педономической деятельности

Константин Викторович Карпинский

Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой экспериментальной и прикладной психологии, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы. 230023, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, 22
karpinskij_kv@grsu.by, <https://orcid.org/0000-0002-1820-4007>

Аннотация. В статье изложены результаты теоретического анализа и эмпирического исследования места и роли личностного смысла ребенка в системе мотивационно-смысловой регуляции профессиональной педономической деятельности. К педономическим профессиям и специальностям отнесены виды производственной трудовой деятельности взрослых, предметом которых выступает ребенок, а основное содержание составляют трудовые действия и операции (по оказанию услуг и выполнению работ), которые непосредственно направлены на обеспечение необходимых условий для удовлетворения материальных и нематериальных потребностей детей. Разновидности профессиональной педономической деятельности образуют специфический подтип («взрослый-ребенок») социономического типа профессий («человек-человек») (в рамках типологии Е. А. Климова). Специализированным психическим регулятором профессиональной педономической деятельности выступает личностный смысл ребенка для взрослого, под которым подразумевается субъективное понимание и переживание объективных жизненных отношений, связывающих ребенка/детей с удовлетворением потребностей, воплощением ценностей, осуществлением мотивов, достижением целей и практической реализацией других личностно значимых интенций (побуждений и стремлений) взрослого. На пересечении модальностного и топологического критериев выделены четыре психологических типа личностного смысла ребенка для взрослого: позитивный терминальный (ценностный), негативный терминальный (антиценностный), позитивный прагматический (инструментальный), негативный прагматический (преградный) смысл. В ходе эмпирического исследования профессионально гетерогенной выборки работников педономического труда была подтверждена гипотеза о том, разные типы личностного смысла ребенка для взрослого соотносятся с индивидуально-психологическими различиями в профессиональной мотивации (определяемой с позиций теории самодетерминации) и в субъективном качестве профессиональной деятельности (определяемой по переживаниям удовольствия, смысла, усилия и пустоты в труде, вовлеченности в работу и удовлетворенности карьерой). По комплексу критериев функционально оптимальным для мотивационно-смысловой регуляции профессиональной педономической деятельности признан позитивный терминальный смысл (ценностное отношение к ребенку), который сочетается с внутренней трудовой мотивацией и субъективным благополучием в домене профессиональной жизни.

Ключевые слова: профессиональная педономическая деятельность; личностный смысл ребенка; ценностное отношение к детям; мотивация; смысловая регуляция; функциональная оптимальность; теория самодетерминации

Исследование выполнено при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (проект № Г23УЗБ-053).

Для цитирования: Карпинский К. В. Личностный смысл ребенка в регуляции профессиональной педономической деятельности // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 1 (136). С. 170-184. http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2024_1_136_170. <https://elibrary.ru/BATDBI>

Original article

Personal meaning of a child for an adult as a regulator of professional pedonomic activity**Konstantin V. Karpinsky**

Doctor of psychological sciences, professor, head of department of experimental and applied psychology, Yanka Kupala Grodno state university. 230023, Republic of Belarus, Grodno, Ozheshko st., 22
karpinskij_kv@grsu.by, <https://orcid.org/0000-0002-1820-4007>

Abstract. The article sets out the results of theoretical analysis and empirical study of the place and role of the personal meaning of the child in the system of motivational and semantic regulation of professional pedonomic activity. Pedonomic professions and specialties include the types of industrial labor activity of adults whose subject is the child, and the main content is labor actions and operations (to provide services and perform work), which are directly aimed at providing the necessary conditions for meeting the material and intangible needs of children. Varieties of professional pedonomic activity form a specific subtype («adult-child») of the socionomic type of professions («person-person») (within the typology of E. A. Klimov). The specialized mental regulator of professional pedonomic activity is the personal meaning of the child for an adult, which means subjective understanding and experience of objective life relations that connect the child/children with meeting needs, embodying values, fulfilling motives, achieving goals and practical implementation of other personally significant intentions (motives and aspirations) of the adult. At the intersection of modality and topological criteria, four psychological types of personal meaning of a child for an adult are identified: positive terminal (value), negative terminal (anti-interest), positive pragmatic (instrumental), negative pragmatic (barrier) meaning. An empirical study of a professionally heterogeneous sample of pedonomic workers confirmed the hypothesis that different types of personal meaning of a child for an adult correlate with individual psychological differences in professional motivation (determined from the standpoint of the theory of self-determination) and in the subjective quality of professional activity (determined by experiences of pleasure, meaning, effort and emptiness in work, involvement in work and career satisfaction). According to the set of criteria, a positive terminal meaning (value attitude towards a child) is recognized as functionally optimal for the motivational and semantic regulation of professional pedonomic activity, which is combined with internal labor motivation and subjective well-being in the domain of professional life.

Key words: professional pedonomic activity; the personal meaning of the child; value attitude towards children; motivation; semantic regulation; functional optimality; self-determination theory

The study was carried out with the support of the Belarusian Republican foundation for basic research (project № G23UZB-053).

For citation: Karpinsky K.V. Personal meaning of a child for an adult as a regulator of professional pedonomic activity. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2024; (1): 170-184. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X_2024_1_136_170. <https://elibrary.ru/BATDBI>

Введение

В процессе исторического разделения труда, а также усложнения и совершенствования его орудий и технологий, некоторые функции в отношении детей, прежде выполняемые родителями, кровными родственниками и другими близкими взрослыми, прогрессивно делегировались чужим людям, имеющим специальную подготовку и владеющим соответствующими орудиями и технологиями. В число функций, частично отчуждаемых от родителей и замещающих взрослых из ближайшего социального окружения ребенка, входят его обучение, воспитание, лечение, защита и целый ряд других. Все эти функции, нацеленные на обеспечение развития, благополучия и здоровья детей, неуклонно подвергались профессионализации, то есть трансфор-

мировались в самостоятельные виды профессиональной трудовой деятельности, практикуемые на основе специальных знаний, умений и навыков из области педагогики, медицины, психологии, юриспруденции и т. д. за пределами домашнего хозяйства и вне круга кровнородственных отношений. Вследствие этого в большинстве современных обществ сформировался корпус профессий и специальностей, в рамках которых основным предметом трудовой деятельности взрослого служит ребенок, а цель сводится к созданию разнообразных (материальных и нематериальных) условий для удовлетворения всевозможных потребностей ребенка в интересах его развития, благополучия и здоровья.

Между тем виды профессиональной деятельности, центрированные на ребенке, не предусмотрены в качестве обособленного типа или класса ни в одной из ныне существующих типологий или

классификаций человеческого труда. Насколько можно судить по доступной литературе, общепринятый термин, обозначающий совокупность таких профессий, также отсутствует. В психологии и других социогуманитарных науках наиболее универсальной и всеобъемлющей является типология профессий Е. А. Климова. Основопологающим критерием для дифференциации мира профессий избран предмет труда, и в зависимости от специфической предметной направленности выделено пять типов профессий: технономические («человек–техника»), бионимические («человек–природа»), сигнономические («человек–знаковая система»), артономические («человек–художественный образ») и соционимические («человек–человек») [Климов, 1996].

Профессии «взрослый–ребенок» образуют специфическое подмножество соционимических профессий. Если для обозначения данного подтипа подыскать специальный термин, то, на наш взгляд, предметную направленность подобных видов труда адекватно передает наименование «педонимические профессии». Этимология предложенного обозначения производна от двух корней древнегреческого языка: педос (παῖδος) – «ребенок» и номос (νόμος) – «закон», «цель», «направление». Конкретными представителями педонимических профессий являются учитель, воспитатель, педиатр, детский психолог, дефектолог, социальный педагог, инспектор по делам несовершеннолетних и другие специалисты «детоцентрического» профиля.

В наших предыдущих исследованиях теоретически обосновано и эмпирически доказано, что личностный смысл ребенка выступает ведущим фактором мотивационно-смысловой регуляции различных видов произвольной активности взрослых, направленных на детей, в первую очередь, репродуктивного (детородного) и социализационного (родительского) поведения, а также совладающего поведения в трудных жизненных ситуациях репродуктивного (бесплодие) и воспитательного (воспитание детей с особенностями психофизического развития) характера [Карпинский, 2023]. Личностный смысл ребенка – это субъективное понимание и переживание взрослым объективных детерминационных отношений, которыми ребенок (дети) в качестве актуального (действительного) или потенциального (возможного) жизненного обстоятельства связан с удовлетворением потребностей, воплощением ценностей, осуществлением мотивов, достижением целей и практической реализацией других

личностных интенций (побуждений и стремлений) взрослого. Понятие о личностном смысле ребенка обобщает и систематизирует широкое поле разрозненных терминов, используемых в психологии и смежных науках для обозначения субъективного (пристрастно-оценочного) отношения взрослого к ребенку, его рождению (репродукции) и воспитанию (родительству), в том числе: «ценность детей» (value of children) [Nauck, 2007]; «репродуктивные мотивы», или «мотивы деторождения» (reproductive motives, reasons for childbearing, motives to have a child, childbearing motivation) [Данина, 2016; Gauthier, Senecal, Guay, 2007]; «репродуктивные установки» или «установки на деторождение» (reproductive attitudes, family planning attitudes, attitudes toward childbearing) [Голзицкая, 2021; Barber, 2001]; «мотивы родительства» или «мотивы родительского ухода» (motives for parenthood, reasons for parenthood, parenthood motivation, parental care motivation) [Buckels, Beall, Hofer, 2015]; «родительские установки» или «родительское отношение» (attitudes toward children, parental attitudes, parenting attitudes) [Вапра, 1997; Одинцова, 2022]; «родительский смысл» или «смысл родительства (материнства, отцовства)» (parental meaning, meaning of parenthood) [Morse, Steger, 2019; To, 2015]; «внутренняя позиция родителя» или «родительская (материнская/отцовская) позиция» (attitudes toward parenthood, fatherhood, motherhood) [Захарова, 2017; Головей, 2014].

Личностный смысл является весьма индивидуализированным, что обусловлено его производностью от индивидуальных особенностей ребенка, уникального личностного склада взрослого и неповторимого жизненного контекста, в котором совершается их реальное или идеаторное взаимодействие. Ключевыми дифференциально-психологическими признаками личностного смысла ребенка выступают: во-первых, топологический критерий (место ребенка в психологической структуре отдельных видов деятельности и целостной жизнедеятельности взрослого, в зависимости от чего подразделяются терминальный и прагматический смыслы); во-вторых, модальностный критерий (направленность влияния ребенка на практическую реализацию мотивов, целей и задач отдельных видов деятельности и целостной жизнедеятельности взрослого, в зависимости от чего подразделяются позитивный и негативный смыслы) критерии. На пересечении этих двух критериев складывается психологиче-

ская типология личностного смысла ребенка, в которой различаются следующие типы:

- позитивный терминальный смысл, при котором ребенок осмысливается как самостоятельная жизненная ценность;

- позитивный прагматический (инструментальный) смысл, при котором ребенок осмысливается как: 1) средство, инструмент, ресурс – словом, условие, способствующее реализации жизненных ценностей; 2) помощник, соратник, партнер – словом, субъект, содействующий реализации жизненных ценностей;

- негативный терминальный смысл, при котором ребенок осмысливается как антиценность;

- негативный прагматический (преградный) смысл, при котором ребенок осмысливается как: 1) преграда, помеха, барьер – словом, условие, препятствующее реализации жизненных ценностей; 2) противник, конкурент, соперник – словом, субъект, противодействующий реализации жизненных ценностей.

Есть все основания предполагать, что личностный смысл ребенка для взрослого функционирует в качестве психического регулятора не только его репродуктивного и родительского поведения, но и его профессиональной трудовой деятельности при условии, что эта деятельность относится к разряду педономических профессий. И поскольку в данном случае ребенок непосредственно совпадает с предметом труда, постольку личностный смысл ребенка напрямую задает качественно-количественные особенности мотивации и осмысленности профессиональной деятельности взрослого. Качественно-количественные параметры мотивационно-смысловой регуляции, в свою очередь, обуславливают целый ряд объективных и субъективных последствий, связанных с производственной продуктивностью и надежностью, организационной лояльностью, карьерной успешностью, а также с профессионально-обусловленным психическим развитием, благополучием и здоровьем работников педономического труда.

Обзор литературы

В современной психологии труда (организационной и индустриальной психологии) достаточно полно освещены механизмы и закономерности влияния количества (силы, уровня, интенсивности и т. д.) и качества (содержания, локуса причинности и т. п.) трудовой мотивации, а также общего уровня осмысленности работы на всевозможные процессуальные и результативные

аспекты профессиональной деятельности и профессионально-личностного развития ее субъекта. В рамках настоящего исследования особую значимость имеют результаты, доказывающие дифференциальные эффекты влияния внутренней/внешней, интернальной/экстернальной (internal/external), интринсивной/экстринсивной (intrinsic/extrinsic) мотивации, а также разных градаций осмысленности и типов смысла работы (meaningfulness and meaning of work). С обзорными и оригинальными исследованиями на русском языке, посвященными данной проблематике, можно познакомиться по следующим источникам [Карпинский, 2019; Карпинский, 2017; Мандрикова, 2010; Поваренков, 2021; Шадриков, 2021; Gagné, Deci, 2005; Ryan, Deci, 2017].

Личностный смысл ребенка для взрослого становится ведущим фактором мотивационно-смысловой регуляции профессиональной деятельности при условии, что ребенок занимает место основного предмета труда. Ранее выделенные нами типы личностного смысла ребенка вполне определенно соотносятся с различными типами мотивации и градациями осмысленности профессиональной педономической деятельности. Типы личностного смысла ребенка можно расположить в своеобразном континууме их функциональной оптимальности, неоптимальности и пессимальности для мотивации производственно-трудовой деятельности и профессионально-личностного развития представителей педономических специальностей.

Один из наиболее обоснованных и универсальных континуумов мотивации человеческой деятельности предложен в теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана. В ней подразделяются следующие типы мотивации: внутренняя мотивация, четыре формы внешней мотивации (интегрированная, идентифицированная, интроецированная и экстернальная) и амотивация. Эти типы укладываются в континуум, полюса которого составляют автономная и контролируемая мотивация. В последних редакциях теории самодетерминации внутренняя, а также интегрированная и идентифицированная формы внешней регуляции относятся к автономной мотивации, а интроецированная и экстернальная формы внешней регуляции – к контролируемой мотивации. Что касается амотивации, то на ее счет мнения исследователей расходятся: одни считают ее чисто количественной мерой силы побуждения, а не отдельным качественным типом мотивации, в то время как другие – характеризуют ее как качественно специфический тип контролируемой мотивации

[Deci, Ryan, 2008; Ryan, Deci, 2017]. Для целей нашего исследования важно отметить, что данный континуум хорошо проецируется на мотивацию репродуктивного поведения [Brenning, Soenens, Vansteenkiste 2015; Gauthier, Senecal, Guay, 2007; 2010], родительского поведения (в частности, кормления ребенка грудью [Kestler-Peleg, 2015; Mizrak, 2019]) и профессиональной деятельности [Мандрикова, 2010; Осин, 2017; Осин, , 2013; Gagné, Forest, Vansteenkiste, 2015]. В этой связи именно он будет выступать в качестве своеобразной референтной рамки при оценке функциональной оптимальности-неоптимальности-пессимальности разных типов личностного смысла ребенка для мотивации профессиональной педономической деятельности.

В описанный мотивационный континуум с наибольшей определенностью вписываются три типа личностного смысла ребенка: позитивный терминальный, позитивный прагматический (инструментальный) и негативный прагматический (преградный).

Положительный терминальный смысл, выраженный в ценностном отношении к ребенку/детям, создает внутреннюю мотивацию и предельный уровень осмысленности педономической профессиональной деятельности. Это обусловлено тем, что в данном случае предмет труда обладает для субъекта самоценностью, то есть высшей мотивационной значимостью и притягательностью. Данный тип личностного смысла ребенка является функционально оптимальным для мотивационно-смысловой регуляции профессиональной педономической деятельности взрослого.

Позитивный прагматический (инструментальный, ресурсный) смысл ребенка занимает в континууме мотивации педономического труда промежуточное положение: он соответствует как внутренней, так и автономным видам внешней (интегрированной и идентифицированной) мотивации. Однако, в отличие от позитивного терминального смысла, он создает более низкий уровень осмысленности детономической профессиональной деятельности: в данном случае основной предмет труда (ребенок) не является для субъекта самостоятельным мотивом или ценностью, но составляет инструментально значимое условие для реализации других мотивов и ценностей, то есть достижения косвенных благ и извлечения побочных выгод. Такой тип личностного смысла ребенка уже не столь оптимален для

мотивации профессиональной педономической деятельности.

Негативный прагматический (преградный) смысл ребенка соответствует разным типам контролируемой мотивации – внешней интроецированной и экстерналиной мотивации, а также амотивации. Дети, с которыми работает субъект детономического труда, осмысливаются как преграды и обременения, которые мешают реализации его значимых мотивов и ценностей и которые он вынужден терпеть в силу взятых на себя должностных полномочий и обязательств. Этот тип личностного смысла ребенка не сообщает профессиональной деятельности достаточного количества позитивной мотивации и надлежащего уровня осмысленности, ввиду чего является функционально неоптимальным.

Наконец, в нашей концепции выделяется и четвертый тип личностного смысла – негативный терминальный, при котором ребенок выступает в качестве самостоятельного отрицательного мотива или антиценности для взрослого. Для этой разновидности личностного смысла ребенка в мотивационном континууме, предлагаемом теорией самодетерминации, нет референтного типа мотивации. Такому личностно-смысловому отношению к ребенку отвечает уже не мотивация или амотивация, а демотивация профессиональной педономической деятельности взрослого. Демотивация или отрицательная мотивация подталкивает субъекта не выбирать данную профессиональную деятельность, а если она все же была выбрана – то всячески избегать ее выполнения и как можно скорее от нее отказаться.

Таким образом, выделенные типы личностного смысла ребенка можно упорядочить в континууме «автономной – контролируемой» профессиональной мотивации. Опираясь на огромный багаж исследований, выполненных в русле теории самодетерминации и показывающих неоднородность последствий, к которым приводят разные типы мотивации из данного континуума, можно с полным основанием предполагать, что личностные смыслы ребенка обладают далеко не одинаковым потенциалом мотивационно-смысловой регуляции профессиональной педономической деятельности. Соотношение психологических типов личностного смысла ребенка с континуумом «автономной-контролируемой» мотивации профессиональной деятельности демонстрирует схема на Рисунке 1.

Рисунок 1. Психологические типы личностного смысла ребенка в континууме мотивации профессиональной педономической деятельности

Методы исследования

Приведенная схема носит гипотетический характер, равно как и идея о том, что разные типы личностного смысла ребенка обладают различной степенью функциональной оптимальности–пессимизма в контексте мотивационно-смысловой регуляции профессиональной педономической деятельности. В целях их верификации было предпринято специальное эмпирическое исследование. Выборочную совокупность составили 240 человек в возрасте от 24 до 44 лет ($M = 30$ лет, $SD = 6,3$ года), в том числе 33 мужчины и 207 женщин. Все испытуемые были разнопрофильными специалистами педономического – педагогического (188 человек или 78 %), медицинского (37 человек или 15 %) и психологического (15 человек или 7 %) – труда, в силу должностных обязанностей непосредственно работающие с детьми. На момент участия в исследовании общий трудовой стаж работы испытуемых варьировался от 6 месяцев до 22 лет ($M = 7$ лет, $SD = 5,6$ года). По семейному положению 87 (36 %) испытуемых были холостыми и 153 (64 %) испытуемых – семейными людьми; по родительскому статусу – 99 (41 %) испытуемых не имели собственных детей, 109 (45 %) испытуемых были малолетними родителями (до 2-х детей) и 32 (14 %) были многодетными родителями (3–5 детей).

В рамках проведенного исследования для каждого испытуемого определялись три блока индивидуально-психологических особенностей:

первый – особенности личностного смысла ребенка; второй – особенности профессиональной мотивации; третий – особенности профессиональной успешности и профессионального благополучия. Позитивный терминальный смысл ребенка измерялся с помощью методики «Шкала ценностного отношения к детям» (общий показатель выступал количественной мерой позитивного терминального смысла ребенка) [Карпинский, 2023], прагматический смысл ребенка – посредством смыслометрического анализа, в котором роль стимульного материала выполнял набор терминальных ценностей М. Рокича (значения смыслометрических индексов позитивности и негативности выступали количественными мерами соответственно позитивного и негативного прагматического смысла ребенка) [Карпинский, 2021; 2023]. Профессиональная мотивация испытуемых диагностировалась методикой «Опросник профессиональной мотивации», которая операционализирует представления о мотивационном континууме, сформулированные в теории самодетерминации [Осин, 2017]. Процессуальная сторона субъективной профессиональной успешности и субъективного профессионального благополучия оценивалась с помощью методик «Диагностика переживаний в профессиональной деятельности» Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева [Осин, 2017], «Утрехтская шкала увлеченности работой» В. Шауфели в адаптации Д. А. Кутузовой [Кутузова, 2006; Шауфели, 2015]. Результативная сторона субъективной профессиональной успешности и субъективного профессионального

благополучия определялась посредством «Шкалы удовлетворённости карьерой» К. В. Карпинского и Т. В. Гижук [Карпинский, 2016].

Результаты и дискуссия

Первостепенный и самостоятельный интерес представляют психологические особенности осмысления ребенка/детей специалистами педономического труда, а также отличия личностного смысла, которые присущи данной профессиональной группе (выборке) на фоне других профессиональных групп (общей популяции). Для работников педономических профессий личностно-смысловое отношение к ребенку – это, по сути, отношение к предмету своего труда, и по этой причине оно должно рассматриваться как профессионально важное личностное свойство данной категории специалистов. В данном слу-

чае личностный смысл ребенка может служить мотивационным компонентом профессиональной пригодности, готовности и профессионализма, профессионализации и депрофессионализации, в том числе профессиональной деформации и деструкции, а, следовательно, использоваться в качестве ключевого психологического критерия профессиональной ориентации, отбора, аттестации и т. д.

В Таблице 1 представлены описательные характеристики, а также результаты сравнительного анализа профиля смысловых оценок и смысловых показателей ребенка в профессиональной выборке и в общей популяции (сведения о численности, составе и структуре общепопуляционной выборки приводятся в [Карпинский, 2023]).

Таблица 1.

Результаты сравнения личностного смысла ребенка в общепопуляционной и профессиональной выборке

Психологические переменные	Общепопуляционная выборка		Профессиональная выборка		t
	M	SD	M	SD	
Терминальный смысл ребенка					
Ценностное отношение к детям	27,53	11,36	19,75	12,15	9,92***
Инструментальный смысл ребенка					
Активная деятельная жизнь	1,08	1,53	0,68	1,26	4,86***
Жизненная мудрость	1,77	1,17	1,31	1,20	5,91***
Здоровье	0,52	1,47	-0,08	0,89	10,48***
Интересная работа	0,33	1,29	0,04	0,87	5,21***
Красота природы и искусства	1,10	1,28	0,38	0,84	13,22***
Любовь	1,35	1,48	0,56	1,17	10,51***
Материально обеспеченная жизнь	0,12	1,45	-0,25	0,87	6,59***
Наличие хороших и верных друзей	0,70	1,19	0,16	0,65	12,97***
Общественное признание	0,91	1,14	1,09	1,03	2,72**
Познание	1,00	1,42	0,90	1,10	1,35
Продуктивная жизнь	0,70	1,54	0,93	1,30	2,78**
Развитие	0,88	1,47	1,06	1,17	2,41*
Развлечения	0,20	1,70	-0,47	1,12	9,22***
Свобода	0,07	1,45	0,06	0,75	0,15
Счастливая семейная жизнь	1,93	1,27	1,15	1,08	11,23***
Счастье других	0,94	1,27	0,27	0,67	15,47***
Творчество	0,83	1,36	0,78	1,04	0,69
Уверенность в себе	1,31	1,35	1,05	1,06	3,73***
Индекс прагматической значимости ребенка	0,67	0,24	0,47	0,22	14,19***
Индекс позитивного смысла ребенка	0,75	0,28	0,73	0,31	1,04
Индекс негативного смысла ребенка	0,23	0,27	0,20	0,24	2,22*
Индекс конфликтного смысла ребенка	0,24	0,29	0,23	0,29	0,55
Индекс дифференцированности смысла ребенка	0,24	0,23	0,20	0,09	6,34***
Интегральный индекс	16,22	15,89	14,24	9,35	3,28**
Интегральный индекс (усредненный)	0,90	0,88	0,79	0,52	3,27**

Примечания: M – среднее арифметическое; SD – стандартное отклонение; t – эмпирическое значение критерия Стьюдента; d – эмпирическое значение критерия Коэна; * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$.

Сравнение общепопуляционной выборки и выборки специалистов педономического труда обнаруживает множественные различия в смыс-

лообразовании ребенка. По общему «количеству» вкладываемого в ребенка смысла – как терминального (по шкале ценностного отноше-

ния к детям), так и прагматического (по индексу прагматической значимости ребенка) – работники педономических профессий значительно уступают группе сравнения, то есть характеризуются в целом низким уровнем осмысленности ребенка. Это снижение, вероятно, объясняется профессионализацией отношения к детям, которые в рамках педономических профессий служат предметом рутинных трудовых действий и операций. Вследствие этого наступает своего рода «оповседневнивание», «десакрализация» ребенка, то есть потеря им особой значимости для взрослого (ср. «дети – это святое!»).

Общий профиль оценок прагматического смысла ребенка в профессиональной выборке по своей форме повторяет конфигурацию общепопуляционного профиля, но по 12 из 18 смыслообразующих ценностей ребенок оценивается как менее инструментальное и/или более преградное обстоятельство. В жизни работников педономического труда ребенок в большей степени, чем в жизни представителей других профессий, содействует реализации только лишь ценностей «развитие», «продуктивная жизнь» и «общественное признание» (Рисунок 2). Некоторые из наблюдаемых различий всерьез настораживают, поскольку могут быть симптомами профессионально обусловленного выгорания и деформации лично-

сти. Это относится к сравнительно низким оценкам ребенка как условия реализации ценности «интересная работа», а также к тенденции его осмысления в качестве откровенной помехи для «здоровья», «материально обеспеченной жизни» и «развлечений». Кроме того, судя по смыслометрическому индексу дифференцированности, работники педономического труда склонны выставлять ребенку более однообразные, стереотипные оценки, что свидетельствует о повышенной ригидности процесса смыслообразования. В комплексе эти различия могут указывать на подверженность специалистов деперсонализации или дегуманизации ребенка, что соответствует межличностному компоненту в синдроме профессионального выгорания.

Таким образом, общий градиент межгрупповых различий сводится к тому, что, как это ни парадоксально, для работников педономических профессий ребенок представляет меньшую личностную ценность (позитивный терминальный смысл), а также наделяется меньшим инструментальным или же более преградным прагматическим смыслом в контексте реализации большинства смыслообразующих ценностей (воистину, «Хорошо быть учителем, детским врачом, социальным педагогом и т. д., если б только дети работать не мешали!»).

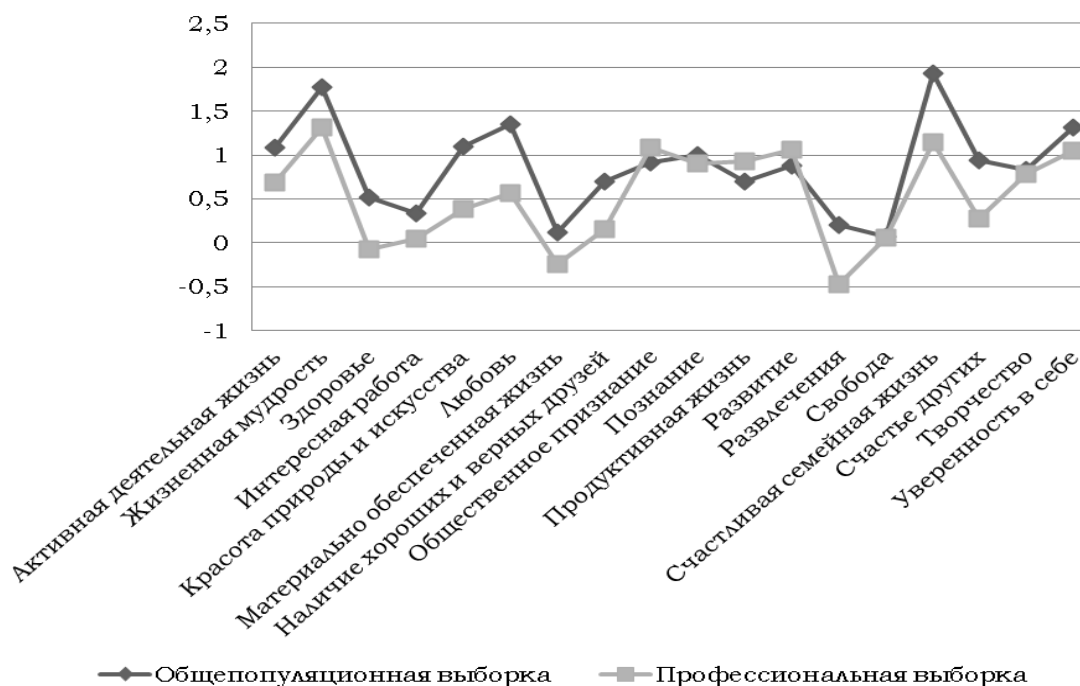

Рисунок 2. Графики средних значений смысловых оценок ребенка в общепопуляционной и профессиональной выборке

На следующем этапе исследования анализировались корреляционные взаимосвязи личностного смысла ребенка с профессионально-

психологическими особенностями работников педономического труда (Таблица 2).

Таблица 2.

Корреляции типов личностного смысла ребенка с профессионально-психологическими особенностями испытуемых

Профессионально-психологические особенности	Теоретические типы личностного смысла ребенка		
	Позитивный терминальный	Позитивный прагматический	Негативный прагматический
Удовлетворенность карьерой	0,39***	0,40***	-0,46***
Энергичность	0,30***	0,33***	-0,35***
Энтузиазм	0,18**	0,18**	-0,25***
Поглощенность деятельностью	0,22***	0,22***	-0,27***
Переживание удовольствия	0,31***	0,21***	-0,32***
Переживание смысла	0,23***	0,21***	-0,36***
Переживание усилия	-0,26***	-0,23***	0,31***
Переживание пустоты	-0,29***	-0,24***	0,35***
Внутренняя мотивация	0,26***	0,26***	-0,36***
Интегрированная мотивация	0,25***	0,24***	-0,32***
Идентифицированная мотивация	0,11	0,18**	-0,26***
Интроецированная мотивация	0,06	0,08	-0,07
Экстернальная мотивация	0,02	-0,05	0,17**
Амотивация	-0,09	-0,16**	0,20**
Автономная мотивация	0,24***	0,21***	-0,33***
Контролируемая мотивация	-0,01	-0,07	0,15*
Индекс относительной автономии	0,19**	0,14*	-0,28***

Примечания: * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$ при $N = 240$.

Первоочередной задачей выступала проверка гипотез о характере соотношения трех типов личностного смысла ребенка – позитивного терминального, позитивного прагматического и негативного прагматического – с шестью типами профессиональной мотивации, разграничиваемыми в теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана.

Полученные данные свидетельствуют, что типы личностного смысла ребенка тяготеют к разным полюсам мотивационного континуума «автономная–контролируемая» регуляция. С ростом автономии профессиональной мотивации теснота корреляции прогрессивно увеличивается, а ее знак оборачивается с минуса на плюс – во взаимосвязях с позитивным терминальным смыслом ($0,26 > 0,25 > 0,11 > 0,06 > 0,02 > -0,09$), равно как и с позитивным прагматическим смыслом ребенка ($0,26 > 0,24 > 0,18 > 0,08 > -0,05 > -0,16$). Эти типы личностного смысла ребенка проявляют тропность к полюсу автономной мотивационной регуляции (их корреляции с данным полюсом составляют 0,24 и 0,21 соответственно). Негативный прагматический смысл ребенка, наоборот, тяготеет к полюсу контролируемой мотивационной регуляции (его корреляция с данным полюсом составляет 0,15). Здесь прослеживается прямо противоположная законо-

мерность изменения тесноты и знака корреляционных связей с типами профессиональной мотивации в континууме «автономной–контролируемой» регуляции ($-0,36 < -0,32 < -0,26 < -0,07 < 0,17 < 0,20$). Наблюдаемые паттерны корреляций – так называемые «симплекс-паттерны» (simplex pattern) [Ryan, Connell, 1989] – позволяют с полным основанием интегрировать типы личностного смысла ребенка в континуум профессиональной мотивации.

Таким образом, позитивный терминальный смысл ребенка сопряжен с внутренней и интегрированной мотивацией, позитивный прагматический смысл ребенка – с внутренней, интегрированной и идентифицированной мотивацией, а негативный прагматический смысл ребенка – с экстернальной мотивацией и амотивацией профессиональной педономической деятельности. Позитивный терминальный и прагматический смыслы ребенка создают предпосылки для автономной мотивационной регуляции, тогда как негативный прагматический смысл ребенка, напротив, предпосылает гетерономную, контролируемую мотивационную регуляцию труда. Исходя из обнаруженных паттернов корреляций, можно утверждать, что эти типы личностного смысла ребенка составляют специфический континуум мотивационно-смысловой (побудитель-

ной) регуляции профессиональной педономической деятельности.

Другая задача корреляционного анализа заключалась в оценке предположения о том, что в рамках данного континуума типы личностного смысла ребенка упорядочены по степени функциональной оптимальности-пессимальности. В качестве психологических критериев регуляторного оптимума фигурировали показатели субъективной удовлетворенности карьерой, увлеченности работой и переживаний в профессиональной деятельности. Все эти показатели можно рассматривать как процессуальные и результативные компоненты субъективной успешности и субъективного благополучия в домене профессиональной жизни.

Имеющиеся данные свидетельствуют, что позитивному терминальному и позитивному инструментальному смыслу ребенка сопутствует карьерная удовлетворенность, увлеченность работой (более высокая энергичность, энтузиазм и вовлеченность), переживания удовольствия и смысла в профессиональной педономической деятельности. Негативному прагматическому смыслу ребенка «аккомпанируют» пониженная удовлетворенность карьерой и увлеченность работой, менее выраженные переживания удовольствия и смысла, но зато более интенсивные переживания усилия и пустоты в профессиональной деятельности. По совокупности критериев позитивный терминальный и прагматический смыслы ребенка могут быть признаны функционально оптимальными, тогда как негативный прагматический смысл ребенка – функционально неоптимальным или даже пессимальным для регуляции педономического труда и профессионально-личностного развития его субъектов.

Следует отметить, что терминальный и праг-

матический смыслы ребенка подразделяются на уровне теоретической типологии, тогда как в эмпирической действительности каждый отдельный взрослый, как правило, является носителем сразу обоих смыслов. Эмпирическая типология личностного смысла ребенка базируется на выделении устойчивых и повторяющихся вариантов соотношения терминального и прагматического смыслов. Поэтому для дальнейшего анализа мотивационно-смысловой регуляции педономического труда необходим переход от теоретически полагаемых «чистых» типов к эмпирически наблюдаемым «смешанным» типам личностного смысла ребенка.

Эмпирическая типология личностного смысла ребенка в выборке специалистов педономического труда строилась с помощью неиерархического кластерного анализа (алгоритм Ллойда). Эмпирические типы подразделялись на основании индивидуальной выраженности позитивного терминального смысла (на основе показателя «Шкалы ценностного отношения к детям») и прагматического смысла (на основе интегрального показателя смыслометрического анализа ребенка). «Сырые» баллы по данным диагностическим показателям предварительно были преобразованы в шкалу Z-оценок ($M = 0, SD = 1$). На перекрестье указанных критериев удалось выделить четыре варианта соотношения терминального и прагматического смысла, которые воспроизводят эмпирические типы смыслового отношения к ребенку, ранее обнаруженные на материале большой общепопуляционной выборки: ценностный, утилитарный, ценностно-утилитарный и отчужденный [Карпинский, 2023]. В Таблице 3 приведены существенные характеристики названных типов личностного смысла ребенка.

Таблица 3.

Эмпирические типы личностного смысла ребенка в выборке специалистов педономического труда

Эмпирические типы личностного смысла ребенка	N/f	Терминальный смысл		Прагматический смысл	
		M	SD	M	SD
Тип 1 – «утилитарный»	57/23,7	-0,68	0,44	0,29	0,60
Тип 2 – «ценностно-утилитарный»	49/20,4	1,28	0,72	1,37	0,84
Тип 3 – «отчужденный»	63/26,3	-0,95	0,39	-0,94	0,42
Тип 4 – «ценностный»	71/29,6	0,50	0,43	-0,35	0,42
Значимость различий между типами по F-критерию Фишера		F (3;236) = 243,7; p < 0,000		F (3;236) = 162,7; p < 0,000	
Примечания: N/f – количество/процентная доля испытуемых, отнесенных к типу; M – среднее арифметическое значение показателя в Z-оценках; SD – стандартное отклонение показателя в Z-оценках.					

Ценностно-утилитарный тип (20,4 % испытуемых) характеризуется высокими (по сравнению со средневыборочными) значениями как цен-

ностного, так и прагматического смысла ребенка; ценностный тип (29,6 %) – повышенными значениями ценностного смысла в сочетании с

пониженными значениями прагматического смысла ребенка; утилитарный тип (23,7 %) – пониженными значениями ценностного смысла в комбинации с повышенными значениями прагматического смысла ребенка; отчужденный тип (26,3 %) – низкими значениями как ценностного, так и прагматического смысла ребенка. С точки зрения общего «количества» (общего уровня осмысленности) и «качества» (позитивной модальности) личностного смысла ребенка, ценностно-утилитарный тип превосходит все остальные, что позволяет выдвинуть гипотезу о его функциональной оптимальности, субопти-

мальности – ценностного и утилитарного типов, пессимальности – отчужденного типа.

Данная гипотеза верифицировалась путем однокритериального дисперсионного анализа, в котором роль фактора играла типологическая принадлежность, а профессионально-психологические особенности испытуемого назначались зависимыми переменными. Результаты анализа подтверждают существование целого комплекса профессионально-психологических особенностей у работников с разнотипным смыслом ребенка (Таблица 4).

Таблица 4.

Субъективная профессиональная успешность и благополучие работников педономического труда при разных типах личностного смысла ребенка

Профессионально-психологические особенности	Эмпирические типы личностного смысла ребенка				F-критерий
	Ценностно-утилитарный	Ценностный	Утилитарный	Отчужденный	
Удовлетворенность карьерой	15,33 (3,66)	13,24 (3,28)	12,26 (3,32)	13,11 (3,45)	7,52***
Энергичность	3,78 (0,82)	3,02 (0,78)	3,01 (0,77)	3,02 (1,04)	11,36***
Энтузиазм	3,95 (1,00)	3,50 (0,92)	3,28 (1,26)	3,13 (0,93)	8,69***
Поглощенность	3,32 (1,08)	2,55 (1,28)	2,45 (1,07)	2,55 (1,28)	5,07**
Переживание удовольствия	4,24 (1,15)	3,19 (1,03)	3,29 (1,19)	3,29 (0,90)	8,99***
Переживание смысла	5,05 (1,01)	4,56 (1,17)	4,26 (1,33)	4,02 (1,00)	10,51***
Переживание усилия	2,82 (1,08)	3,23 (0,94)	3,33 (0,90)	3,55 (1,01)	6,69***
Переживание пустоты	1,88 (0,77)	2,57 (1,00)	2,74 (0,91)	2,75 (1,23)	8,98***
Внутренняя мотивация	3,99 (0,90)	3,42 (1,01)	3,20 (0,85)	3,16 (1,12)	8,26***
Интегрированная	4,03 (0,90)	3,36 (0,89)	3,21 (0,88)	3,36 (0,89)	9,65***
Идентифицированная	3,77 (1,03)	3,49 (1,14)	3,42 (1,06)	3,29 (1,10)	1,93
Интроецированная	2,56 (0,76)	2,69 (0,80)	2,65 (0,81)	2,66 (0,67)	0,30
Экстернальная	2,40 (0,82)	2,40 (0,80)	2,72 (0,96)	2,75 (0,85)	3,06*
Амотивация	1,85 (0,95)	2,19 (1,01)	2,00 (1,12)	2,13 (1,03)	1,23
Автономная мотивация	11,79 (2,63)	10,27 (2,92)	9,84 (2,83)	9,70 (2,66)	6,36***
Контролируемая мотивация	6,81 (1,64)	7,06 (2,07)	7,64 (2,10)	7,52 (2,26)	2,08
Индекс автономии	4,97 (3,82)	3,21 (4,52)	2,32 (4,84)	2,06 (4,21)	4,92**

Примечания: * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$ при $N = 240$, $df = 3$, 236.

В отношении профессионально-психологических характеристик инвариантно воспроизводится следующий паттерн межгрупповых различий: по сравнению с носителями всех остальных типов личностного смысла ребенка представители ценностно-утилитарного типа характеризуются более высокой выраженностью позитивных профессионально-психологических проявлений (удовлетворенностью карьерой; переживаниями удовольствия, смысла и усилия в профессиональной деятельности; энергичностью, энтузиазмом и поглощенностью трудом; внутренней и интегрированной мотивацией, а также общим уровнем автономии в профессиональной мотивации) и более низкой выраженностью негативных профессионально-психологических проявлений (переживанием пустоты в профессиональной деятельности, экс-

тернальной мотивацией, амотивацией и общим уровнем контролируемой профессиональной мотивации). В этой связи именно ценностно-утилитарный тип личностного смысла ребенка обеспечивает оптимальную мотивационно-смысловую регуляцию профессиональной деятельности педономической направленности.

Несколько неожиданным оказался факт отсутствия каких-либо статистически достоверных и практически значимых различий между ценностным, утилитарным и отчужденным типами личностно-смыслового отношения к ребенку. Самым удивительным является то, что ценностный тип личностного смысла ребенка, который соответствует идеалам гуманизма, не обеспечивает ощутимых регуляторных (функциональных) преимуществ для субъективной профессиональной успешности и благополучия специалиста

педономического труда. Парадоксально и то, представители отчужденного типа, которые весьма безразличны и равнодушны к ребенку, не только не уступают, но даже немного превосходят ценностный и утилитарный типы по ряду показателей профессиональной успешности и благополучия. К примеру, в ходе профессиональной деятельности они закономерно переживают меньше смысла и больше пустоты, вынуждены прикладывать большие усилия, но при этом деятельность доставляет им большее удовольствие. Возможно, если сравнить данные типы в другой перспективе – успешности и благополучия не самого субъекта профессиональной деятельности, а детей, с которыми он работает (учеников, воспитанников, пациентов, клиентов, подопечных и т. д.), то обнаружится несколько иная картина. В данном случае оптимальность тех или иных психических регуляторов профессиональной деятельности должна устанавливаться по критериям, характеризующим не только субъекта, но и объект его труда (например, для учителя – успешность и благополучие его ученика в домене учебной деятельности).

Заключение

Подводя итог проведенного исследования, следует подчеркнуть, что личностный смысл ребенка выступает значимым фактором мотивационно-смысловой регуляции профессиональной педономической деятельности. Индивидуальные особенности и различия личностного смысла ребенка сопряжены с объективными и субъективными, процессуальными и результативными аспектами профессиональной успешности, благополучия и здоровья специалистов «детоцентрического» профиля. В этой связи понятие «личностный смысл ребенка» представляется ценным теоретическим концептом и диагностическим конструктом для объяснения психической детерминации индивидуального развития и поведения взрослого человека как в репродуктивно-родительском, так и в профессионально-организационном доменах жизни. Психологические виды и типы личностного смысла ребенка, выделяемые на основании качественно-количественных признаков (топологических, модальностных и интенсивностных), обнаруживают разные степени функциональной оптимальности–пессимальности в регуляции именно тех видов деятельности, которые являются ведущими в психическом развитии и доминирующими в

структуре жизнедеятельности взрослого: рождение и воспитание детей и профессиональный труд (педономической направленности). В сущности, личностный смысл ребенка регулирует такие виды деятельности, посредством которых каждый взрослый член общества вносит личный вклад в его воспроизводство и процветание.

Библиографический список

1. Варга А. Я. Типы родительского отношения. Самара : Бахрах, 1997. 87 с.
2. Голзицкая А. А. Динамика предмета социологических и психологических исследований семьи и родительства в изменяющемся социокультурном контексте / А. А. Голзицкая, Н. В. Кисельникова, Е. А. Курминская // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 3. С. 5–21.
3. Головей Л. А. К проблеме дифференциации основных понятий в системе отношений «родитель–ребенок»: теоретический и эмпирический аспекты / Л. А. Головей, С. С. Савенышева, В. Е. Василенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Серия 12. С. 84–95.
4. Данина М. М. Современное состояние исследований в области регуляции репродуктивного поведения супругов / М. М. Данина, Н. В. Кисельникова, А. А. Голзицкая // Национальный психологический журнал. 2016. № 2 (22). С. 73–84.
5. Захарова Е. И. Родительство как возрастнопсихологический феномен. Москва, 2017. 376 с.
6. Карпинский К. В. Источники смысла жизни: новый метод психодиагностики личности. Гродно : ГрГУ, 2021. 219 с.
7. Карпинский К. В. Личностный смысл ребенка: что дети значат для взрослых. Гродно : ГрГУ, 2023. 515 с.
8. Карпинский К. В. Психология смысложизненного кризиса. Гродно : ГрГУ, 2019. 623 с.
9. Карпинский К. В. Психология профессиональной успешности / К. В. Карпинский, Т. В. Гижук. Гродно : ГрГУ, 2017. 169 с.
10. Карпинский К. В. Шкала удовлетворенности карьерой: разработка и психометрическая апробация / К. В. Карпинский, Т. В. Гижук. // Теоретическая и экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 4. С. 101–116.
11. Климов Е. А. Психология профессионала. Москва, Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996. 400 с.
12. Кутузова Д. А. Организация деятельности и стиль саморегуляции как факторы профессионального выгорания педагога-психолога. Москва, 2006. 213 с.
13. Мандрикова Е. Ю. Теория самодетерминации в организационном контексте: обзор зарубежных исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7. № 4. С. 126–140.
14. Одинцова О. Ю. Трансформации современного родительства: психологические аспекты / О. Ю. Один-

цова, Ю. В. Мисиюк. Кострома : Изд-во Костромского государственного университета, 2022. 238 с.

15. Осин Е. Н. Профессиональная мотивация сотрудников российских предприятий: диагностика и связи с благополучием и успешностью деятельности / Е. Н. Осин, А. А. Горбунова, Т. О. Гордеева // Организационная психология. 2017. Т. 7. № 4. С. 21–49.

16. Осин Е. Н. Автономная и контролируемая профессиональная мотивация как предикторы субъективного благополучия у сотрудников российских организаций / Е. Н. Осин, Т. Ю. Иванова, Т. О. Гордеева // Организационная психология. 2013. Т. 3. № 1. С. 8–29.

17. Осин Е. Н. Диагностика переживаний в профессиональной деятельности: валидизация методики / Е. Н. Осин, Д. А. Леонтьев // Организационная психология. 2017. Т. 7. № 2. С. 30–51.

18. Поваренков Ю. П. Психология деятельности профессионала. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. 243 с.

19. Шадриков В. Д. Психология педагогических способностей / В. Д. Шадриков, В. А. Мазиллов, Ю. Н. Слепко. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. 219 с.

20. Шауфели В. Увлеченность работой: Как научиться любить свою работу и получать от нее удовольствие / В. Шауфели, П. Дийкстра, Т. Иванова. Москва : Когито-Центр, 2015. 125 с.

21. Barber J. S. Ideational Influences on the Transition to Parenthood: Attitudes toward Childbearing and Competing Alternatives // *Social Psychology Quarterly*. 2001. № 64(2). P. 101–127.

22. Brenning K., Soenens B., Vansteenkiste M. What's your motivation to be pregnant? Relations between motives for parenthood and women's prenatal functioning // *Journal of Family Psychology*. 2015. № 29(5). P. 755–765.

23. Buckels E. E., Beall A. T., Hofer M. Individual differences in activation of the parental care motivational system: Assessment, prediction, and implications // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2015. № 108(3). P. 497–514.

24. Deci E. L., Ryan R. M. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development, and health // *Canadian Psychology*. 2008. № 49(3). P. 182–185.

25. Gagné M., Deci E. L. Self-determination theory and work motivation // *Journal of Organizational Behavior*. 2005. № 26(4). P. 331–362.

26. Gagné M., Forest J., Vansteenkiste M. The Multidimensional Work Motivation Scale: Validation evidence in seven languages and nine countries // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2015. № 24(2). P. 178–196.

27. Gauthier L., Guay F., Senecal C., Pierce T. Women's depressive symptoms during the transition to motherhood: The role of competence, relatedness, and autonomy // *Journal of Health Psychology*. 2010. № 15. P. 1145–1156.

28. Gauthier L., Senecal C., Guay F. Construction and validation of the Motivation to Have a Child Scale (MCS) // *European Review of Applied Psychology*. 2007. № 57. P. 77–89.

29. Kestler-Peleg M. Breastfeeding motivation and Self-Determination Theory // *Social Science & Medicine*. 2015. № 144. P. 19–27.

30. Mizrak B., Ozerdogan N., Ozdamar K., Gursoy E. Factors affecting breastfeeding motivation in primiparous mothers: An application of breastfeeding motivation scale based on self-determination theory // *Health Care for Women International*. 2019. № 40(6). P. 637–652.

31. Morse J. L., Steger M. F. Giving Birth to Meaning: Understanding Parenthood Through the Psychology of Meaning in Life // *Pathways and Barriers to Parenthood* / O. Taubman Ben-Ari (Ed.). Springer, 2019. P. 1–17.

32. Nauck B. Value of children and the framing of fertility: Results from a cross-cultural comparative survey in 10 societies // *European Sociological Review*. 2007. № 23. P. 615–629.

33. Ryan R. M., Connell J. P. Perceived locus of causality and internalization: examining reasons for acting in two domains // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. № 57(5). P. 749–761.

34. Ryan R. M., Deci E. L. *Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. N.Y.: The Guilford Press, 2017. 756 p.

35. To S. M. Development and Validation of a Quantitative Measure for Chinese Sources of Parental Meaning // *Journal of Child and Family Studies*. 2015. № 24(12). P. 3580–3594.

Reference list

1. Varga A. Ja. Tipy roditel'skogo otnoshenija = Parent relationship types Samara : Bahrah, 1997. 87 s.

2. Golzickaja A. A. Dinamika predmeta sociologicheskikh i psihologicheskikh issledovanij sem'i i roditel'stva v izmenjajushhemsja sociokul'turnom kontekste = Dynamics of the subject of sociological and psychological studies of family and parenthood in a changing sociocultural context / A. A. Golzickaja, N. V. Kisel'nikova, E. A. Kuminskaja // *Social'naja psihologija i obshestvo*. 2020. T. 11. № 3. S. 5–21.

3. Golovej L. A. K probleme differenciacii osnovnyh ponjatij v sisteme otnoshenij «roditel'–rebenok»: teoreticheskij i jempiricheskij aspekty = To the problem of differentiation of basic concepts in the parent-child relationship system: theoretical and empirical aspects / L. A. Golovej, S. S. Savenysheva, V. E. Vasilenko // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2014. Serija 12. S. 84–95.

4. Danina M. M. Sovremennoe sostojanie issledovanij v oblasti reguljacii reproduktivnogo povedenija suprugov = Current state of research in the regulation of reproductive behavior of spouses / M. M. Danina, N. V. Kisel'nikova,

- A. A. Golzickaja // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2016. № 2 (22). S. 73–84.
5. Zaharova E. I. Roditel'stvo kak vozrastno-psihologicheskij fenomen = Parenthood as an age-psychological phenomenon. Moskva, 2017. 376 s.
6. Karpinskij K. V. Istochniki smysla zhizni: novyj metod psihodiagnostiki lichnosti = Sources of meaning in life: a new method of personality psychodiagnosis. Grodno : GrGU, 2021. 219 s.
7. Karpinskij K. V. Lichnostnyj smysl rebenka: chto deti znachat dlja vzroslyh = Personal meaning of the child: what children mean for adults. Grodno : GrGU, 2023. 515 s.
8. Karpinskij K. V. Psihologija smyslozhiznennogo krizisa = Psychology of the meaningful crisis. Grodno : GrGU, 2019. 623 s.
9. Karpinskij K. V. Psihologija professional'noj uspešnosti = Psychology of professional success / K. V. Karpinskij, T. V. Gizhuk. Grodno : GrGU, 2017. 169 s.
10. Karpinskij K. V. Shkala udovletvorennosti kar'eroy: razrabotka i psihometricheskaja aprobacija = Career satisfaction scale: development and psychometric testing / K. V. Karpinskij, T. V. Gizhuk. // Teoreticheskaja i jeksperimental'naja psihologija. 2016. T. 9. № 4. S. 101–116.
11. Klimov E. A. Psihologija professionala = Psychology of a professional. Moskva, Voronezh : NPO «MODJeK», 1996. 400 s.
12. Kutuzova D. A. Organizacija dejatel'nosti i stil' samoreguljacji kak faktory professional'nogo vygoranija pedagoga-psihologa = Organization of activities and style of self-regulation as factors of professional burnout of a teacher-psychologist. Moskva, 2006. 213 s.
13. Mandrikova E. Ju. Teorija samodeterminacii v organizacionnom kontekste: obzor zarubežnyh issledovanij = Self-determination theory in organizational context: overview of foreign research // Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2010. T. 7. № 4. S. 126–140.
14. Odincova O. Ju. Transformacii sovremennogo roditel'stva: psihologicheskie aspekty = Transformations of modern parenthood: psychological aspects / O. Ju. Odincova, Ju. V. Misijuk. Kostroma : Izd-vo Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta, 2022. 238 s.
15. Osin E. N. Professional'naja motivacija sotrudnikov rossijskih predpriyatij: diagnostika i svjazi s blagopoluchiem i uspešnost'ju dejatel'nosti = Professional motivation of employees of Russian enterprises: diagnostics and links with the well-being and success of activities / E. N. Osin, A. A. Gorbunova, T. O. Gordeeva // Organizacionnaja psihologija. 2017. T. 7. № 4. S. 21–49.
16. Osin E. N. Avtonomnaja i kontroliruemaja professional'naja motivacija kak prediktory sub#ektivnogo blagopoluchija u sotrudnikov rossijskih organizacij = Autonomous and controlled professional motivation as predictors of subjective well-being among employees of Russian organizations / E. N. Osin, T. Ju. Ivanova, T. O. Gordeeva // Organizacionnaja psihologija. 2013. T. 3. № 1. S. 8–29.
17. Osin E. N. Diagnostika perezhivanij v professional'noj dejatel'nosti: validizacija metodiki = Diagnosis of experiences in professional activities: method validation / E. N. Osin, D. A. Leont'ev // Organizacionnaja psihologija. 2017. T. 7. № 2. S. 30–51.
18. Povarenkov Ju. P. Psihologija dejatel'nosti professionala = Psychology of professional activity Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2021. 243 s.
19. Shadrikov V. D. Psihologija pedagogicheskikh sposobnostej = Psychology of pedagogical abilities / V. D. Shadrikov, V. A. Mazilov, Ju. N. Slepko. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2021. 219 s.
20. Shaufeli V. Uvlečenost' rabotoj: Kak nauchit'sja ljubit' svoju rabotu i poluchat' ot nee udovol'stvie = Passion for work: How to learn to love and enjoy your work / V. Shaufeli, P. Dijkstra, T. Ivanova. Moskva : Kogito-Centr, 2015. 125 s.
21. Barber J. S. Ideational Influences on the Transition to Parenthood: Attitudes toward Childbearing and Competing Alternatives // Social Psychology Quarterly. 2001. № 64(2). P. 101–127.
22. Brenning K., Soenens B., Vansteenkiste M. What's your motivation to be pregnant? Relations between motives for parenthood and women's prenatal functioning // Journal of Family Psychology. 2015. № 29(5). P. 755–765.
23. Buckels E. E., Beall A. T., Hofer M. Individual differences in activation of the parental care motivational system: Assessment, prediction, and implications // Journal of Personality and Social Psychology. 2015. № 108(3). P. 497–514.
24. Deci E. L., Ryan R. M. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development, and health // Canadian Psychology. 2008. № 49(3). P. 182–185.
25. Gagné M., Deci E. L. Self-determination theory and work motivation // Journal of Organizational Behavior. 2005. № 26(4). P. 331–362.
26. Gagné M., Forest J., Vansteenkiste M. The Multidimensional Work Motivation Scale: Validation evidence in seven languages and nine countries // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2015. № 24(2). P. 178–196.
27. Gauthier L., Guay F., Senecal C., Pierce T. Women's depressive symptoms during the transition to motherhood: The role of competence, relatedness, and autonomy // Journal of Health Psychology. 2010. № 15. P. 1145–1156.
28. Gauthier L., Senecal C., Guay F. Construction and validation of the Motivation to Have a Child Scale (MCS) // European Review of Applied Psychology. 2007. № 57. P. 77–89.
29. Kestler-Peleg M. Breastfeeding motivation and Self-Determination Theory // Social Science & Medicine. 2015. № 144. P. 19–27.

30. Mizrak B., Ozerdogan N., Ozdamar K., Gursoy E. Factors affecting breastfeeding motivation in primiparous mothers: An application of breastfeeding motivation scale based on self-determination theory // *Health Care for Women International*. 2019. № 40(6). P. 637–652.
31. Morse J. L., Steger M. F. Giving Birth to Meaning: Understanding Parenthood Through the Psychology of Meaning in Life // *Pathways and Barriers to Parenthood* / O. Taubman Ben-Ari (Ed.). Springer, 2019. P. 1–17.
32. Nauck B. Value of children and the framing of fertility: Results from a cross-cultural comparative survey in 10 societies // *European Sociological Review*. 2007. № 23. P. 615–629.
33. Ryan R. M., Connell J. P. Perceived locus of causality and internalization: examining reasons for acting in two domains // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. № 57(5). P. 749–761.
34. Ryan R. M., Deci E. L. *Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness*. N. Y.: The Guilford Press, 2017. 756 p.
35. To S. M. Development and Validation of a Quantitative Measure for Chinese Sources of Parental Meaning // *Journal of Child and Family Studies*. 2015. № 24(12). P. 3580–3594.

Статья поступила в редакцию 16.12.2023; одобрена после рецензирования 15.01.2024; принята к публикации 18.01.2024.

The article was submitted 16.12.2023; approved after reviewing 15.01.2024; accepted for publication 18.01.2024.